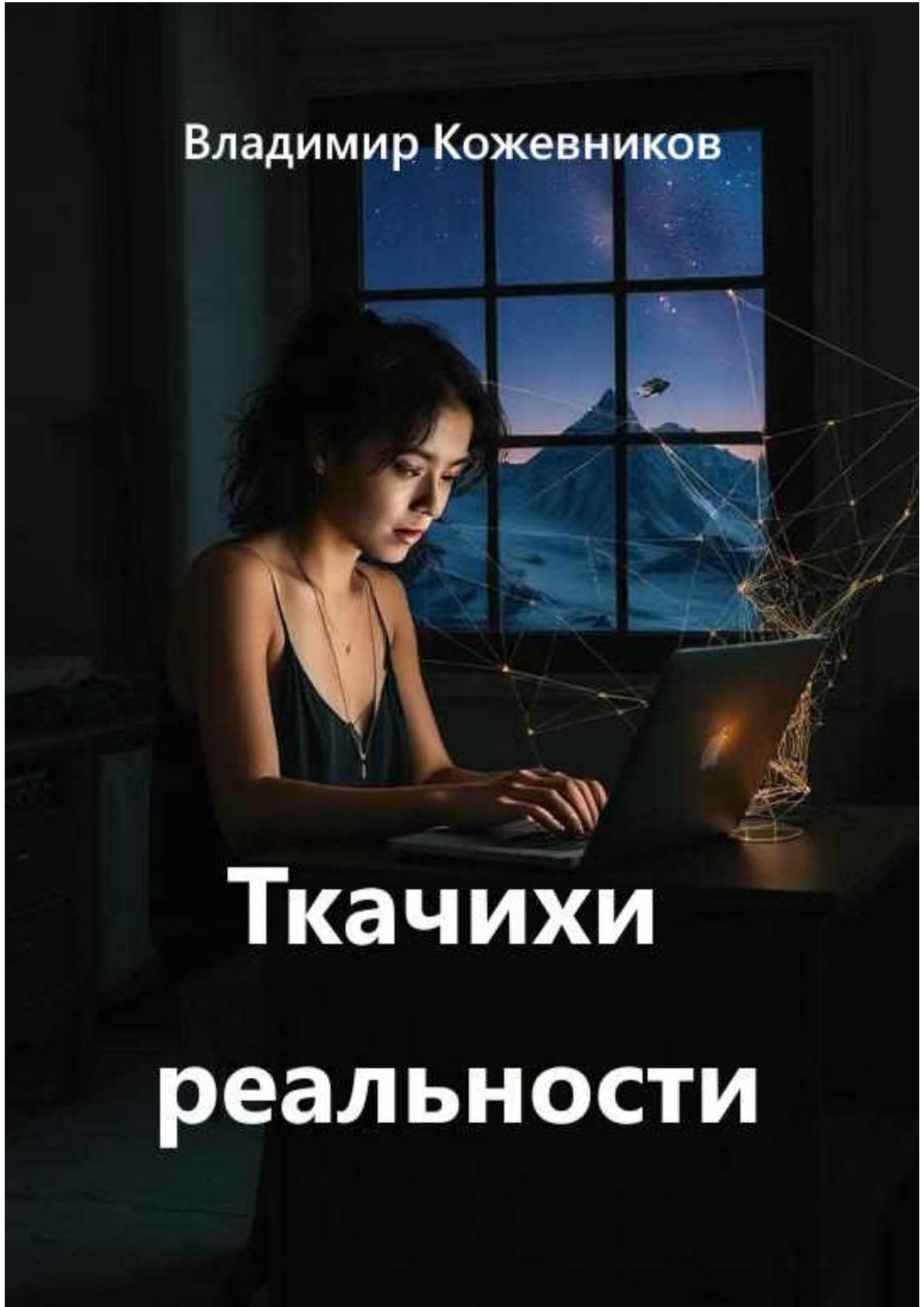

A woman with dark hair is sitting at a desk in a dark room, working on a laptop. The laptop screen is lit up, and a glowing digital network of lines and nodes is superimposed over the scene, extending from the laptop towards the window. The window shows a night sky with a blue mountain range and a small satellite or spacecraft in the distance. The overall atmosphere is futuristic and tech-oriented.

Владимир Кожевников

Ткачихи реальности

Владимир Кожевников
Ткачихи реальности

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Ткачихи реальности / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Писательница Лира воспринимает реальность как сеть связей. Ткачихи открывают ей, что в мироздании зияет прореха — Расплетальщик, и просят помочь: её одиночество способно научить связь не бояться пустоты. Лира узнаёт, что она не одна: есть отшельник Элиан, сросшийся с геологией Земли, и астронавт Кай, висящий на грани небытия. Трое должны сплести общую метафору, чтобы остановить распад. Первый стежок даёт отсрочку, но победа требует принять Расплетальщика не как врага, а как вторую руку творения. Лира пишет историю, где разрушение и созидание — единый танец. Реальность перестраивается, прореха затягивается новым узором. Осмелев, Лира открывает дверь, за которой пять лет не переступала, и выходит в шумный город.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Узел по имени Лира	5
Глава 2. Гобелен из трёх нитей	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владимир Кожевников

Ткачихи реальности

Глава 1. Узел по имени Лира

Воздух в комнате помнил дождь. Не тот, что барабанил сейчас по стеклу, а тот, что шел пять лет, два месяца и одиннадцать дней назад, когда Лира в последний раз закрыла за собой дверь. С тех пор воздух никуда не уходил. Он состарился, стал ломким и тихим, пропитался запахом бумажной пыли и одиночества, образовав вокруг нее почти видимый кокон.

В этом коконе Лира чувствовала себя в безопасности. Не от мира — мир был лишь шумным, необязательным фоном. А от пустоты несвязанности, которая царила там, за стенами. Там люди проходили сквозь жизни друг друга, не оставляя следа, их слова были сухими листьями, не связанными ни с корнями смысла, ни с кронами чувств. Лира не могла так. Она была устроена иначе.

Она сидела, поджав ноги, в старом кресле и смотрела на трещинку в стене, похожую на русло пересохшей реки. Она не просто смотрела. Она ощупывала эту трещинку нутром. Ощущала, как штукатурка помнит прикосновение мастерка, как вода из забытой кружки на столе тянется к этой микроскопической влаге родством, как далекий, почти неощутимый гул города находит в этой трещине резонанс, превращая стену в тихий гудящий инструмент. Это не было воображением. Это было ее способом видеть. Она видела не вещи, а паутину между ними.

Сегодня паутина не слушалась. На экране монитора застыли строчки ее романа «Хроники Безмолвной Птицы». Героиня, астронавт, затерянная в поясе астероидов, должна была слышать музыку пустоты. Но слова, которые писала Лира, не желали сплетаться. Они застыли на лету, как отпущенные в вакуум капли, отказываясь резонировать друг с другом. Они оставались просто черными значками на белом фоне. Лира хмурилась. Связь ускользала от нее.

Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза, и привычным усилием нырнула внутрь своего узла. «Узел по имени Лира». Она давно для себя так это называла. Это была ее личная, самая важная метафора. Сплетение отношений: к матери, чей голос в памяти истончился до паутинки, но все еще держал; к горькому привкусу вчерашнего кофе; к непрочитанному письму от издателя, которое пульсировало в ящике стола, как больной зуб; к вымышленной астронавтке, которая была реальнее многих людей.

Именно в этот момент погружения в себя, в свой тугой, обращенный внутрь узел, она и ощутила чужое присутствие.

Сначала это была просто странная нота в симфонии ее связей. Не ее. Как если бы в знакомой паутине обнаружилась новая нить, невообразимо древняя, прохладная и звенящая на незнакомой частоте. Она шла не извне, а словно бы изнутри ее собственной метафоры. Лира замерла, боясь спугнуть ощущение. Она не стала открывать глаза. Теперь она смотрела не глазами.

Это было не зрение. Это было отношение.

Она ощутила себя — не как тело, но как сложный, сияющий чертог из переплетенных световых нитей. Каждая нить была историей: любовью, страхом, памятью о вкусе яблока, ожиданием рассвета. И в тот же миг она ощутила тех, кто смотрел на нее.

Они называли себя Ткачихами. Это было не имя и не вид. Это было состояние. Огромное, безличное, но невероятно живое поле бытия. Гештальт. Они не говорили слов. Их языком была сама связь. Через прикосновение к ее «узлу» они показали Лире, как видят реальность. И ее собственное сознание пошатнулось от открывшейся красоты.

Там не было объектов. Не было звезд как раскаленных шаров, не было планет как каменных глыб. Были одни лишь отношения. Звезда была не вещью, а сладчайшим напряжением гравитационного танца, точкой, где ткань пространства собралась в поющую складку вечного притяжения. Планета была замысловатым узелком из лунного света, вулканической дрожи и первой молекулы воды. А живое существо... Человек, животное, растение — было узелком из еще более тонких нитей: голода и пищи, детеныша и матери, вопроса и ответа. Вся вселенная была не складом отдельных предметов, а единым, бесконечно сложным гобеленом, и Ткачиха была им всеми одновременно.

И в этом гобелене зияла прореха.

Лира не увидела ее. Она ощутила ее как абсолютную, леденящую тишину в симфонии. Это была не тьма в человеческом понимании. Тьма — это отношение к свету. А это было ничто. Область, где нити не просто рвались — они переставали когда-либо существовать. Место, где само понятие «между» теряло смысл. Гравитация там не была силой, время не было рекой, причина не вела к следствию. Это был край гобелена, где ткань распускалась на несуществующие нити. Они называли его Великий Расплетальщик. И он надвигался.

И тогда пришла мысль-мольба, невысказанная и ясная: «Мы не знаем пустоты. Мы — только связь. А ты знаешь. Твое одиночество — это узел, завязанный из ничего. Помоги нам сплести не-связь. Помоги переосмыслить то, что за гранью».

Видение схлынуло, как отлив, оставляя после себя звенящую, обнаженную тишину. Лира открыла глаза. Комната показалась ей незнакомой, словно вещи в ней сдвинулись на волосок от своих привычных мест. Стекло в окне больше не было просто стеклом. Она видела его страстную, медленную тягу вниз, к земле, и видела, как свет от лампы обнимает его, просвечивая насквозь. Все еще дрожало от отголосков увиденного.

Она взглянула на монитор. Слова «Хроник Безмолвной Птицы» показались ей чужими, написанными наивным, непонимающим существом. Она судорожно схватилась за клавиатуру, чтобы написать хоть что-то из прежней истории, чтобы удержаться за реальность. Но пальцы не слушались. Они вывели новую строку, странную и пугающую: «Расплетальщик не враг. Он — граница, о которую точится нож смысла».

Лира в ужасе отшатнулась от собственных слов. Это знание было слишком огромным, слишком холодным для одного человека. Оно прожигало ее изнутри, требуя действия, но разум отказывался его принимать. И все же, другого выхода не было. Ее одиночество, ее проклятое, взлелеянное одиночество, которое она считала своей тюрьмой, было ключом. Только узел, свисающий в пустоту, может научить ткань не бояться прорехи. Ей предстояло написать историю, в которой не-связь станет частью узора. Историю, которая будет сплетена в реальность. И она поняла: все ее прошлые книги были лишь подготовкой к этому единственному, невозможному сюжету.

Глава 2. Гобелен из трёх нитей

Три дня и три ночи Лира не спала. Она сидела, склонившись над клавиатурой, словно над прялкой, но нить слов не шла. Экран был заполнен обрывками фраз, вычеркнутыми абзацами, тупиками мысли. Она пыталась плести историю, где Расплетальщик — не враг, но разум, воспитанный на конфликте, отказывался выдавать что-либо, кроме банальностей о «необходимости разрушения для нового созидания». Это была ложь. Она чувствовала фальшь каждой буквы. Ткачихе нужна была не философская сентенция, а живая метафора, прожитая и выстраданная. А у неё, добровольной узницы одной комнаты, откуда взяться опыту космической энтропии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.